

ББК 87.251.3

В.А. Ельчанинов

Методологический анализ понимания и объяснения в науке

Ключевые слова: понимание, объяснение, интерпретация, смысл.

Key words: understanding, explanation, interpretation, sense.

В повседневном словоупотреблении до сих пор не проводится четкого различия между словами «понять» и «объяснить». Считается, что эти слова почти взаимозаменяемые. Как говорит Г. фон Вригт, «практически любое объяснение, будь то каузальное, телеологическое или какое-то другое, способствует пониманию предметов» [1, с. 45]. Видимо, и наоборот, любое понимание также способствует объяснению. Действительно, как можно объяснить нечто, если ты его сам не понял? Вроде бы все просто, и едва ли стоит обсуждать данный вопрос как какую-то важную проблему. Однако при более строгом научном взгляде на соотношение данных терминов обнаруживается не только взаимная их связь, но и несомненные различия в функциональном плане. Эту особенность подчеркнул и Г. фон Вригт в самом начале своих рассуждений о понимании и объяснении. «В слове «понимание», – говорит он, – содержится *психологический* (выделено нами. – В.Е.) оттенок, которого нет в слове «объяснение» [2, с. 45]. Этот же «психологический» оттенок обозначали и другие авторы, особенно Г. Зиммель – известный немецкий историк и социолог, который еще в XIX в. возвел понимание в ранг так называемого «вчувствования» (Einfühlung) или воссоздания в мышлении ученого духовной атмосферы, мыслей, чувств и мотивов исторических деятелей прошлого. Но не только это психологическое свойство отличает понимание от объяснения. Первое особым образом оказывается связанным с *интенциональностью*, т.е. направленностью мышления на какой-либо предмет.

Но экспликация «понимания» потребует в дальнейшем раскрыть еще одну целевую установку понимания как наделение его смылосодержащим началом. Но об этом несколько позже. Вначале попытаемся хотя бы приблизительно разобраться с характеристиками такой познавательной процедуры, как «объяснение», через связь с которой, в конечном счете, мы сможем выйти и на функциональную значимость *научного понимания*.

На начальных этапах существования человечества, когда о *научном* познании не могло быть и речи, люди прибегали к объяснению самых разнообразных вещей и явлений, а поскольку они были

подвержены различного рода предрассудкам, и тем более сверхъестественного порядка, то и в объяснении всего им незнакомого и необычного прибегали к помощи этих потусторонних сил, как, например, вулканическое извержение недовольством подземных духовных сил. Благодаря тысячелетним проявлениям такого рода объяснений они превратились в привычки и сопровождали человечество до тех пор, пока не появилось и не укрепилось религиозное мировоззрение, также многие века безраздельно господствовавшее в разных формах в головах людей и получившее статус верховной силы, определяющей содержание всех необходимо возникающих объяснений тех или иных явлений. Так в общем виде можно охарактеризовать содержание всех объяснительных характеристик донаучного периода.

Возникновение и становление научного знания знаменовало собой не только настоящую революцию в системе всех общественных отношений, но и качественные преобразования в системе знаний и убеждений людей этой эпохи.

Поскольку становление науки оказалось связанным с периодом господства механистического взгляда на мир, определявшего своими успехами все другие научные направления, то и механистически истолковываемый детерминизм распространился на все другие области научного познания. За многие века его господства он стал настолько привычным для ученых различных областей познавательной деятельности, что оказался, без сомнения, пригодным для использования, в частности, для объяснения в каждой из них. Сыграв, несомненно, положительную роль в своем возникновении, механицизм нанес и значительный ущерб при его абсолютизации, особенно в кризисный период его существования, когда явно обнаружилось новые детерминанты, обуславливающие содержание научного познания, которые нельзя стало объяснять с позиций механистического детерминизма. Это был период, когда научное познание стало обращать внимание на свое собственное содержание, и зародились идеи подразделения науки на *природоведение* (или естествознание) и так называемые *гуманитарные* (или обществоведческие, направленные на изучение человека и его истории).

При более глубоком подходе обнаружилось, что они имеют различную природу и требуют различных методов в процессе познавательной деятельности. Более того, обнаружилось и различие их в характере

и основаниях процесса объяснения. Именно с этого времени ведется жаркая полемика по поводу того, что такое объяснение и каково его отношение к научному пониманию.

Научное объяснение – это такое духовное действие, с помощью которого достигается понимание изучаемого объекта. Но объяснение может полагаться на причинную либо закономерную или какую-то другую (системную, функциональную, структурную и т.д.) зависимость, уже предварительно понятую человеком. Поскольку, как мы уже говорили выше, такую зависимую связь обнаружили в период классического механицизма, то апелляция к причинно-следственной закономерности стала нормой, привычкой, широко употребляемой в системе научного знания. В своей «Логике исследования» К. Поппер так определяет объяснение через обращение к причинно-следственной зависимости: «Дать причинное объяснение событий, значит дедуцировать положение, приписывающего его, используя в качестве посылок дедукции один или более универсальных законов совместно с определенными единичными положениями – начальными условиями» [2, с. 151].

Не останавливаясь на достаточно аргументированном утверждении К. Поппера, мы лишь акцентируем внимание на факте широко используемого объяснения через причинно-следственную связь. А поскольку эта зависимость имеет силу закона, то вполне естественно, что многие исследователи стали осуществлять свои объяснения через закон, минуя причину. В настоящее время палитра факторов, позволяющих осуществлять объяснения, настолько возросла, что нет необходимости перечислять их во всем масштабе, в том числе и не понятые или апофатические.

Что же касается вышеобозначенного заявления К. Поппера, то отечественные философы А. Никитина и Е. Никитин достаточно убедительно сумели доказать, что научные объяснения могут носить не только дедуктивный, но индуктивный характер. Подводя итоги наших рассуждений о месте и значении объяснений в науке, можно сделать вывод о том, что главный смысл объяснения состоит в основном в подведении объясняемого объекта (экспланандума) под какой-либо закон, функционирующий в науке. Однако подобное истолкование объяснения было свойственно О. Контю и Э. Маху и некоторым другим ученым.

Если учесть тот факт, что теория объяснения разрабатывалась в основном на материале естественных наук, то можно считать вполне правдоподобным и закономерным обращение на рубеже XIX и XX вв. В. Дильтея к проблемам классификации наук на основе главного различия между «науками о природе» и «науками о духе». Исходя из теории понимания, развивавшейся Ф. Шлайермахером в рамках филологии, В. Дильтей, как считают многие ученые, создал эскиз своей концепции понимания, которая

с течением времени дорабатывалась и корректировалась многими его последователями. Но в своей основе оказались непоколебимыми установки В. Дильтея о том, что главная познавательная функция наук о природе заключается в **объяснении**, которое состоит в подведении единичного объекта, события под общий закон (понятие, теория), в результате чего полностью элиминируется вся неповторимая индивидуальность изучаемого явления.

Основная же познавательная функция «наук о духе» заключается в **понимании**. В них ученые стремятся постичь **смысл** изучаемой действительности во всей его индивидуальности. Как правило, для понимания надо ответить на «детский» вопрос – почему?

Из сказанного следует, что обозначенные два рода наук принципиально различны. Казалось бы, объяснение не дает понимания объектов и поэтому понимание достигается другим способом. Однако, как заявляют А.Г. Никитина и Е.П. Никитин в своей статье «Функции научного исследования», «это противопоставление объяснения и понимания ошибочно» (цит. по: [2, с. 160]), поскольку в объяснении довольно часто прибегают к помощи процедуры «подведения под закон». А в этом случае объяснение всегда демонстрирует несомненную **осмысленность** (атрибут понимания) существования и функционирования объекта и явления. Причем, как показал К. Гемпель, это объяснение имплицитно присуще и истории как гуманитарной науке, т.е. науке «понимающей».

Что же значит понять некий объект или явление? **Понять** – это значит постичь субъективный авторский замысел, ради реализации которого человек создавал или осуществлял свою креативную деятельность, упрощенно говоря, вскрывая смысл созданного субъектом, поскольку понимание достигается благодаря «вчувствованию» (эмпатии) – преодолению познающим субъектом всех параметров и барьеров (временных, пространственных, культурных и пр.) и вхождению в духовный мир познаваемого субъекта как в индивидуальном, так и в коллективном плане. В данном случае не нужны ни теории, ни законы, ни даже какие-либо общие понятия. Поэтому можно согласиться с вышеупомянутыми авторами в том, что «понимание – это духовная акция, предельно широко распространенная во всем мире человеческого духа. Его назначение состоит в том, чтобы снять отчужденность понимаемых объектов, событий, явлений, создать у человека ощущение их естественности» (цит. по: [2, с. 164–165]).

Более обстоятельный анализ проблемы понимания уводит нас на рубеж между XIX и XX вв., когда известный немецкий философ и теолог Ф. Шлайермахер фактически заложил теоретические основы современных концептуальных взглядов на многостороннюю проблему научного понимания как процедуру **постижения** или **порождения** какого-либо смысла в по-

знавательной деятельности людей. Эта процедура не вписывается в субъектно-объектную познавательную схему, поскольку не познание порождает потребность в понимании, а, наоборот, потребность в понимании с необходимостью порождает познание.

Примерно в это же время к проблеме понимания обращаются представители неокантианской школы в лице Г. Риккерта, В. Виндельбанда и других, которые с позиций ценностного подхода к культуре и науке как ее элементу подразделили их на идеографические и номотетические, где именно первые требуют понимания, а вторые ограничиваются объяснением. Благодаря неокантианству проблема понимания оказалась надолго связанной с оценочным познанием. Но благодаря ему же было заложено истолкование понимания как определенной эвристически значимой процедуры, несомненно, дающей *приращение* знания, а не только как восстанавливающей изначально существующее содержание.

Дорефлексивное схватывание смыслов начинает трактоваться как основа *любой* аналитической деятельности. За пониманием признается функция *продуцирования* знания. Но при этом оно характеризуется в целом как знание, нуждающееся в дополнительных процедурах, позволяющих перевести его в статус строго научного знания.

Обозначив выше позицию видного зарубежного методолога науки К. Поппера на проблему взаимодействия и понимания, было бы непростительно пройти мимо глубоко содержательных идей на этот счет К. Гемпеля, высказанных им в ряде работ (см., например: [3; 4]), в которых он во многом повторяет взгляды К. Поппера, что структура объяснения каузально-номологического типа представляет собой дедукцию объясняемого явления (экспланандума) из эксплананса (объясняющих суждений). В противовес убеждениям неокантианцев он считает логическую модель объяснения применимой как к явлениям естественно-научного, так и социального познания. Требования адекватности объяснения К. Гемпель дополняет рядом других, не менее обязательных требований формальной логики. Только обязательное соблюдение может гарантировать действительную адекватность и научную строгость объяснения, в том числе и в гуманитарном познании. Он осуществляет операцию объяснения через подведение экспланандума под абстрактные схемы, следуя за логической строгостью вывода в объяснительной процедуре.

Чрезмерные логические ограничения в выборе средств объяснения Гемпелем породили чувство неудовлетворенности среди его последователей и стремление дополнить чисто логические подходы рядом других вариантов. Так, например, П. Гардинер уточняет логические схемы путем уточнения языковой специфики социального познания; М. Скрайвен

дополняет их нормативно-оценочными характеристиками, используемыми в науке; Н. Решер выделяет статистические индуктивно-вероятные возможности объясняющих принципов.

Наконец, нельзя не остановиться на современных идеях герменевтики, где понимание становится фактически центральным концептуальным понятием. *Герменевтика* трактует *понимание* как поиск *смысла* в качестве предмета анализа и изучения, как процедуру приписывания значений, настаивая на изначальной «герменевтичности человеческого существования», внутренне присущей ему «понимательности», что якобы предшествует любым процедурам приписывания смысловых значений.

Рассматривая в общем виде проблему понимания в научном познании, следует отметить значительный вклад в ее осмысление известного немецкого философа Г. Гадамера. При этом мы считаем необходимым особо выделить его обращение к начальным истокам понимания, так называемому «предпониманию». Вместе с разработкой вопроса о методологических возможностях *предварительного* понимания современные герменевтики пытаются преодолеть индивидуально-психологические ограничения в деятельности познающего субъекта. Сам же Гадамер отдавал предпочтение формированию предварительного понимания, утверждая, что оно составляет «действительную проблему герменевтики в ее реальной остроте и значимости».

Эти индивидуально-психологические формы играют противоречивую роль. С одной стороны, они чинят помехи постижению объективного смысла явлений, а с другой – способствуют осуществлению интенций в понимании.

Онтологический статус предпонимания Г. Гадамер выражает в понятиях «историческая традиция», «исторический горизонт», «историческая дистанция». Так, в частности, в процессе взаимодействия исследователя с традицией ему удастся определить те предварительные суждения (пред-рассудки) об изучаемом явлении, которые уже сложились за какой-то исторический период и которые, несомненно, предшествуют собственному мнению ученого.

В наше время господства информационных технологий и подходов к любым явлениям действительности процесс понимания наделяется деятельностно-коммуникативной природой. Задание способов действия и коммуницирования – это и есть «запуск» механизмов формирования понимания. В таком подходе именно понимание *создает смыслы*, т.е. последние не понимаются, а продуцируются в процессах понимания, в конкретных деятельностно-коммуникативных ситуациях.

В заключение своих рассуждений на тему взаимной обусловленности между пониманием и объяснением хотелось бы совершить краткий анализ особенностей

этого проявления в не менее творческой сфере, чем научное познание, а именно – в искусстве. Пожалуй, наиболее удачно это сделал В.Н. Порус в своей статье «Искусство и понимание: сотворение смысла», опубликованной еще в 1990 г. Лаконично обозначив два подхода к пониманию как смыслопорождению, он достаточно обстоятельно останавливается на понимании как проявлении «субъект-субъектных» отношений в обществе, исключая объективистский взгляд на истолкование сути проблемы понимания. Эта установка приводит к особому типу значений понимания, а именно как процесса «смыслопорождения, в результате которого возникающий смысл обнаруживается не в отчужденном знании (смыслоносителе), а в осознании нерасторжимого совместного духовного бытия понимающего и понимаемого» [6, с. 263].

«Субъект-субъектное» понимание позволяет углубить и расширить рамки взаимопонимания людей и еще резче выявить далеко не однонаправленную природу всякого понимания. Понимая нечто, субъект понимает самого себя, и лишь поняв себя, он способен понять другого и увидеть себя в глазах другого. Палитра взаимопониманий чрезвычайно обогащается, когда в этот процесс вовлекается искусство, его творцы и реципиенты. Искусство выступает не только как

форма понимания мира и взаимопонимания людей, но и как феномен, чрезвычайно обогащающий процесс смыслопорождения. Смысл, которым наделяется каждое произведение искусства, – это результат совместной смыслопорождающей активности автора и «потребителя» его продукции. И эта совместная духовная работа вовсе не обязательно приводит к совпадению замысла и интерпретации. Скорее замысел порождает явление искусства. Однако его последующая жизнь представляет собой непрерывный и многосторонний процесс смыслопорождения. Своим творением художник лишь открывает бесконечную перспективу творческих актов смысловосоздания. Ясно, что в сложной и причудливой цепи этих актов формируются и преобразуются смыслообразующие способности людей.

В конце своих рассуждений хотелось привести глубоко справедливое утверждение В.Н. Поруса: «Жизнь произведения искусства – это всегда многоголосие различных пониманий, «испытание смыслами». Нет ничего более убийственного для произведения искусства, чем навязывание стандартной интерпретации. Вот почему учебники литературы в наших школах – «смирные кладбища» мертвых шедевров, а уроки литературы – погребальные церемонии» [6, с. 268].

Библиографический список

1. Вригт, Г.Х. Логико-философские исследования. Избранные труды / Г.Х. Вригт. – М., 1986.
2. Гемпель, К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении / К. Гемпель // *Философия и методология истории*. – М., 1977.
3. Hempel, C.J. Aspects of scientific explanation and other essays in the philosophy of science / C.J. Hempel. – N.Y. ; London, 1965.
4. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*. – М., 1977.
5. Gadamer, H.Y. *Wahrheit und Method. Grundzüge einer Philosophischen Hermeneutik* / H.Y. Gadamer. – Tübingen, 1965.
6. Порус, В.Н. Искусство и понимание: сотворение смысла / В.Н. Порус // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания*. – М., 1990.